

Моск. новости:
Военр. Воел. —
1995. — 4-11 июня
— с. 1.

Фото Евгения КОНДАКОВА

Сергей Парамонов: двадцать пять лет спустя

Мальчику в белой рубашке и пионерском галстуке, что когда-то был “звездой” советского телеэкрана, исполнилось 34. Звонкоголосый солист Большого детского хора Центрального телевидения и радио Сережа Парамонов в семидесятые мог соперничать по популярности если не с Кобзоном, то уж с Пугачевой точно. А потом пропал. Говорили про него в народе нехорошее — как, впрочем, про многих артистов.

Оказалось — правда. И нехорошее было, и хорошее. Но Парамонов вовсе не пропал, хотя и не стремится сегодня к вершине музыкального Олимпа. Жизнь у него другая, и песни другие, и поет их не он.

А еще Сергей Парамонов скоро папой станет. Но буквально на днях, когда хору, одним из первых солистов которого он был, исполнилось 25 лет, Сергей не выдержал и спел опять “Пусть бегут неуклюжи...”

(Окончание на стр. 10)

10

Д(Окончание. Начало на стр. 1) едушка очень любил петь. Но вот со слухом у него были проблемы. Впрочем, вместе смотрелись мы неплохо. Нас даже слушали... Пел я, честно признаться, не только во дворе. Родители, заходя в магазин, частенько “бросали” меня на улице, и я устраивал концерты для прохожих. Пел даже в автобусах — пассажиры стояли, поскольку, как у всех маленьких детей, песни мои были обо всем, что могло привлечь внимание ребенка, глядящего в окно рейсового городского автобуса...

“ЗВУЧИТ, ЗВУЧИТ...”

Если б не заботливая мама, пение Парамонова-младшего так и осталось бы безобидным детским увлечением, из тех, что проходят со временем и впоследствии даже не вспоминаются. Как и большинство мальчишек, Сережа увлекался футболом и лыжами, мечтал, скорее, о спортивном, военном или космическом, а никак не музыкальном будущем. Но в 1971 году его мама случайно увидела объявление о наборе в создающийся детский хор Центрального телевидения и радио. На прослушивании Сережа пел “Мы шли под грохот канонады”. Старался. Слышно было аж на первом этаже, где его мама разговаривала с будущим хормейстером. “Людмила Георгиевна Чулюкина, помните, талант мой оценила, сказала маме что-то вроде “Звучит, звучит...”

В хор Сережа поступил. О чем мама потом пожалела не один раз: пока ребенок занимался спортом, проблем со здоровьем не было, а тут что ни месяц — ангина. Впрочем, что такое мучения с горчичниками, банками и таблетками, когда материнское сердце греют лестные отзывы о способностях ребенка? Как-то на творческом вечере Льва Ошанина, когда Сережа с двумя приятелями исполнял “Солнечный круг”, сидящая на предпоследнем ряду мама услышала, как тихонько переговаривались поблизости молодые, но уже достаточно известные Иосиф Кобзон и Лев Лещенко. Когда очередь дошла до Сережиного куплета, кто-то из них сказал: “А парень-то ничего поет...”

Но это был еще не звездный час. Настоящей знаменитостью Сережа Парамонов стал только через год. В хор пришла заявка на “Песню-72”. Готовились очень серьезно — все помнили, с каким успехом прошла прошлогодняя “Песня-71”. Шаинский специально написал к фестивалю “Пусть бегут неуклюжи”. Оставалось выбрать исполнителя.

— Поначалу взяли меня и двух девочек, но последнее слово оставалось за режиссером. Все думали, что выберут Розу Агишеву, примадону нашего хора. Она уже снялась в фильме “Чудак из 5Б” и чувствовала себя звездой. Я даже и не надеялся, хотя знал, что пою лучше Розы. Получилось иначе: я прослушивался первым, меня и взяли, а их даже слушать не стали.

В
РЕМЕНА
И ПРАВЫ

Сергей Парамонов: двадцать пять лет спустя

Первые концерты Сережа Парамонов давал под окнами своего “сталинского” дома, во дворе которого на лавочках собирались аккуратные бабушки с накрашенными губами и дедушки, надевавшие галстуки даже на прогулку, — старая московская интеллигенция. Сережин дед был под стать остальным и всегда брал с собой “в свет” двухлетнего внука. Сценой Парамоновым служила детская песочница.

Тогда он считал себя лучшим, а лет через пятнадцать после первого дебюта уже взрослый Сергей Парамонов увидел в передаче “Это было, было, было...” коротко стриженного мальчика в пионерском галстуке. Смотрел и самому себе удивлялся: “Вроде и пел-то хорошо, но ведь не Робертино Лоретти же. И чем только купил?”

**МАЛЕНЬКИЙ СОЛИСТ
БОЛЬШОГО ХОРА**

Так пришла известность, а вместе с ней и “звездная болезнь”. По словам Парамонова сегодняшнего, последняя была непродолжительной и отрицательной на неокрепшем детском организме не сказывалась. Когда стали узнавать в метро, приходил домой в восторге и рассказывал маме. Когда начал появляться на экране, звонил всем родственникам и предупреждал, чтоб обязательно включали телевизор. А потом перестал обращать на это все внимание.

— К славе быстро привыкаешь. Сiju, например, играю в железную дорогу (очень любил я это дело, с гастролем привозил родственникам жвачку, зажигалки, а все остальные деньги тратил на паровозики, вагончики, стрелочки), мама спрашивает: “Сережа, а не ты по радио поешь?” — “Вроде я,” — и дальше играть. “А когда записался-то?” — “Да было, мам...” Правда, известность помогала. Учителя в школе снисходительно относились: работает парень, ну что теперь?

А ребятам из детского хора действительно приходилось вкалывать, иногда даже летних каникул для них как бы не существовало. Если удавалось вырваться на дачу — был просто праздник. Но зачастую уже через день

приходилось возвращаться в Москву: срочно требовалось что-то записать на радио, где-нибудь выступить. Слова учились буквально в переходе метро. Еще одна сложность для тогдашнего Сережи Парамонова — имидж (нынешними словами говоря) Хорошего Мальчика, который нужно было постоянно поддерживать. Плохих-то по телевизору не показывают!

— Едешь в метро после репетиции, а все вокруг: “Ой, Сережа Парамонов!” Улыбаться приходилось — отличник, пионер, бабушкам место всегда уступает. Знали бы эти люди, как я вел себя на гастролях... Помню, в Чехословакии тамошние ребята меня все время спрашивали: “Сережа, почему у тебя такой маленький зубчик?” А я им как заправский диссидент отвечал, что нам большой носить не положено — мешает отдавать пионерский салют.

Солистом детского хора Сережа был 2,5 года. В 14 лет старшеклассник Парамонов почувствовал, что никакой радости эта легкая работа ему уже не приносит, и понял, что готов расстаться с хором. Кроме того, случилась та самая неприятность, в которой многие увидели закат его карьеры солиста, — на одном из концертов Сережа “дал петуха”.

— В записи-то этого слышно не было, а зал, помню, аж вздрогнул. И пошли разговоры про ломку голоса, про то, что вышел солист. Но дело-то совсем в другом. Я был тогда уже взрослым мальчиком и петь про “эскимо” с тем энтузиазмом, как прежде, не мог. Пахмутова и Рождественский написали для меня песню. Взрослую. Что-то про раненую птицу. Я ужасно гордился, а тут — то ли дыхания не хватило, то ли ноту неправильно

“Московские новости”, воскресный выпуск
1995. — 4-11 июня. — с. 10.

взял... И вообще, встретили эту песню хуже, чем какую-то детскую белиберду. После этого я ушел из хора. Решил быть или первым, или никаким.

“ГДЕ-ТО Я ТЕБЯ ВИДЕЛ...”

И сегодня в Парамонове немало той самоуверенности, что была присуща маленькому солисту большого хора. Никак не может простить одной газете сравнение “того” Сережи с неизвестным Юрой Шатуновым: “Оскорбление просто. Пусть поет с мое, потом попеть столько, поработает там, где мне довелось. И если его не забудут, можно будет помериться популярностью”.

Во взрослой жизни Сереже Парамонову действительно довелось увидеть многое. Были и не слишком удачливые рок-группы, рестораны и цыганские ансамбли, радио и провинциальная филармония, и напоминания от участкового о том, что есть такая статья — “за тунеядство”. Бывали моменты, когда и музыка, несмотря на оставшиеся за спиной музыкальную школу (за год сдал три курса) и дирижерское отделение Ипполитовского училища, занимала в его жизни незначительное место. Пару лет, например, работал в... морге.

— С этим моргом потом была история. Как-то мы с другом, не буду говорить зачем, попали туда. Я уже не работал там лет семь. Зашли, а санитар и говорит: “Где-то я тебя видел.” Ну я ответил, что вкальвал здесь когда-то, а он говорит: “Нет, я сам здесь недавно.” Пришлось признаваться, что я — Сережа Парамонов. Оказалось, что все это время в морге ходила легенда, будто здесь работал бывший знаменитый солист детского хора. И никто, что интересно, не верил...

Он прошел через все это, выдержал и к музыке вернулся. Стал писать, сначала, что называется, “в стол”, а в 1993-м на свои деньги записал песню с фонограммой Большого детского хора. Этот год он считает одним из самых счастливых в своей жизни.

Сейчас Сергей Парамонов — главный режиссер-постановщик уличных концертов на Якиманке (Центральный административный округ). Работа эта ему пока нравится. И, кажется, получается: на 9 Мая в шоу, организованном Парамоновым, удалось заполнить самых настоящих “звезд”, каких можно увидеть только на дорогах концертах.

А пение... Пел он, только когда работал в ресторане “Русская изба”, одну лишь песню “Санки”, но раз по 10 за вечер. В других группах все больше на клавишах, разве что подтягивал иногда вторым голосом. Но совсем недавно, 20 мая, на двадцатипятилетии Большого детского хора Центрального телевидения и радио Сережа Парамонов основательно трыкнул стариной: вместе с бывшими “коллегам” сделал попури старых песен. “Пусть бегут неуклюжи” встретили на ура.

Анна РЫБИНА